

ЕЛЕНА ВЕРНЕР

Читайте книги Елены Вернер –
одного из самых перспективных авторов современности:

Купальская ночь, или Куда приводят желания

Грустничное варенье

Верни мои крылья!

ЕЛЕНА ВЕРНЕР

Верни мои
Крылья

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В35

Художественное оформление серии *С. Груздева*

Вернер, Елена.
В35 Верни мои крылья! : [роман] / Елена Вернер. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 384 с. — (Верю, надеюсь, люблю. Романы Е. Вернер).

ISBN 978-5-699-88799-6

Не зря Римма Корсакова играет роль Елены Троянской — она так же прекрасна и царственна, весь спектакль держится на ней. Но накануне премьеры с Риммой происходит что-то странное: ее преследует призрак пионерки, погибшей в здании театра в 1937 году. То среди вещей Риммы появляется галстук цвета крови, то в гримерной раздаются звуки «Пионерской зорьки»... Даже страстный роман с Кириллом, недавно пришедшим в театр, вот-вот закончится — страх затмевает все! Скромная девушка Ника, безответно влюбленная в Кирилла, пытается помочь сгорающей в огне безумия красавице. Но только зачем ей это надо?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-88799-6

© Вернер Е., 2016
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2016

Прежде чем вступить на дорогу мести,
вырой две могилы.

Конфуций

Есть два рода сострадания. Одно — малодушное и сентиментальное, оно, в сущности, не что иное, как нетерпение сердца, спешащего поскорее избавиться от тягостного ощущения при виде чужого несчастья; это не сострадание, а лишь инстинктивное желание оградить свой покой от страданий ближнего. Но есть и другое сострадание — истинное, которое требует действий, а не сантиментов, оно знает, чего хочет, и полно решимости, страдая и сострадавая, сделать все, что в человеческих силах и даже свыше их.

Стефан Цвейг

Явление первое

ПЕРВЫЙ ЗВОНОК

Она всегда уходила последней. Ей нравилась пустота всеми покинутого огромного здания, в тишине которого уже доживали свой краткий бесплотный век человеческие эмоции, всхлипы, смех и гром аплодисментов. Нравилось, как пустеют вешалки в гардеробе, а место шуб и пальто занимают ровные, аккуратные и безликие металлические кружки номерков с острыми краями, как на полку под низкой стойкой возвращаются бинокли, как позвякивает пустое ведро уборщицы тети Веры в темных коридорах.

Ника заперла каморку билетной кассы и вышла в фойе. Шаги заглушал ворс красного ковра. Светильники по стенам и возле фотографий под стеклами погасли, оставшиеся горели только у дверей, и по углам холла клубились тени. Тетя Вера, уже одетая по-уличному, повязывала вокруг головы старенький шерстяной платок, сосредоточенно поджав подбородок.

— Тебя подождать? — спросила она у Ники.

— Нет... — прошелестела девушка едва слышно, как разговаривала всегда, и покачала головой, не зная, какой предлог выдумать, чтобы тетя Вера ушла. — Я тут еще...

— Ладно, тогда я пойду.

За уборщицей хлопнула тяжелая резная дверь, и Ника почувствовала на своем лице резкий порыв выстуженного ветра. Она еще раз обвела глазами фойе, словно ощущая присутствие кого-то незримого. Это чувство всегда одолевало здание

ЕЛЕНА ВЕРНЕР

по вечерам, словно частички душ тех, кто недавно ушел через эти двери и разъехался во все стороны большого города, все еще витали здесь, объединенные общим переживанием. Ника знала, что к утру это ощущение ослабнет и выветрится, превратившись из воспоминания в ожидание — нового переживания. Завтра, когда она вернется, все будет совсем по-другому.

Девушка заперла двери и вышла на мороз. Ей нравилось ходить одной, точнее, она к этому привыкла. Так было спокойнее и безопаснее. Она специально старалась задержаться подольше, чтобы никто не увязался за ней к метро или не предложил подвезти. Справедливости ради такие провожатые подворачивались крайне редко. Она вообще не была уверена, что большая часть тех, кого она видит ежедневно, знает ее имя. Это и к лучшему. Быть незаметной стало не просто ее привычкой, это стало самой ее сутью.

Хотя так было не всегда.

Дома она не стала разогревать ужин: плита накалялась долго, а микроволновку Ника недолюбливала, ей казалось, что от пищи из микроволновки как-то неприятно пахнет. Так что она сжевала холодные макароны, запив их горячим чаем, наскоро умылась и забралась в кровать, стараясь не дрожать под тонким одеялом.

Тогда-то и раздался телефонный звонок, которому суждено было все изменить.

Сначала Ника бросила беспокойный взгляд на допотопные, сухо шелкающие ходики. Начало первого — значит, у родителей уже три часа ночи. Вряд ли это они. Девушка замерла, ожидая, что телефонная трель оборвется, но на том конце провода был кто-то очень настойчивый. Или что-то случилось. Ника прижала трубку к уху и спросила несмело:

— Алло?

Верни мои крылья!

— Здравствуйте. А можно позвать к телефону Максима? — попросил густой глубокий баритон.

— Вы не туда попали, — с облегчением выдохнула Ника и повесила трубку. Постояла с полминуты, держа в руках старенький, еще дисковый аппарат, потом вернула его на хлипкую тумбочку и шагнула в комнату, но телефон зазвонил опять.

— Алло.

— Это вы... — тот же голос, но с грустной ноткой. — Извините.

— Здесь нет никакого Максима, — без раздражения, даже с сочувствием отозвалась Ника. — Наверное, вы набираете неправильный номер. Проверьте хорошенько.

Она уже собиралась дать «отбой», но услышала вздох и снова поднесла трубку к уху.

— К сожалению, номер правильный.

— Как так? — не сообразила она. — Это ведь мой номер.

— Видимо, теперь он ваш. Видимо, вы снимаете квартиру, которую раньше снимал мой друг Максим.

— Да, наверное. Но... — она замялась. — Я живу здесь уже три года. Вы так давно не созванивались с вашим другом?

Мужчина на том конце провода усмехнулся, и Ника неожиданно для самой себя почувствовала, как от этого мягкого смешка мурашки побежали у нее по спине.

— Всякое в жизни бывает, правда?

— Правда, — согласилась она. — Что ж. Жаль, что не могу вам помочь. Всего доброго.

— Подождите! Подождите, не вешайте трубку.

— У меня был долгий день...

— У меня тоже, — сообщил голос. — Долгий, тяжелый, невыносимый день. Хорошо, что он заканчивается вот так, разговором с вами. Ваш голос меня успокаивает.

ЕЛЕНА ВЕРНЕР

«А меня — ваш», — чуть не ляпнула Ника. Разговаривать с незнакомцем по телефону было совершенно не в ее характере. Она ненавидела общаться с незнакомыми людьми, даже когда ей самой приходилось звонить им по каким-нибудь официальным вопросам, по работе. Но чтобы так, посреди ночи, переминаясь с ноги на ногу в холодном коридорчике, — безумие чистой воды. И все-таки она медлила и не опускала трубку на рычаг. Этот голос, такой богатый и глубокий, с обертонами и нюансами, будто поставленный педагогом по сценической речи или пению. Уж в этом-то она разбирается, не зря же три года работает в театре. Этот голос чем-то подкупал. Его хотелось слушать. И она слушала.

— Знаете, иногда так бывает... Просто нужно с кем-то поговорить, по-человечески. Без спешки, без каких-то скрытых мотивов и выгод. Просто поговорить и услышать человеческую реакцию, — признался голос. Он, как гибкий весенний выюнок с бледно-розовыми воронками соцветий, оплетал ее изнутри.

— У вас что-то случилось?

— И да и нет. Жизнь, с ней постоянно такая история — она «случается». Просто порой это довольно утомительно. Правда, недавно я все-таки взял себя в руки. Стал действовать, а не просто плыть по течению, хотя жизнь и упирается, ей такое не по вкусу, кажется, она слишком уж строптивая барышня. Но... я почти вплотную приблизился к тому, чтобы осуществить свою давнюю мечту.

— Это же хорошо... — неуверенно уточнила Ника.

— Это великолепно. Потребуется много усилий, но когда я достигну всего, что задумал, это будет... не знаю... Я наконец освобожусь от всего, что мне мешало. Я буду свободен, после всего! А вы... Простите, не знаю вашего имени...

Верни мои крылья!

— Я... Вика, — в последнюю секунду здравомыслие взяло верх, и Ника соврала.

— Вика. Хорошо. У вас есть мечта, Вика?

— Конечно, есть, — засмеялась Ника, все больше удивляясь себе. Она давно не смеялась, вот так, не своим мыслям, а живому собеседнику. — У всех есть мечты.

— Вы удивитесь, но далеко не у всех. Вика. Виктория, победа. Красивое имя. Знаете, я недавно был в Греции, в Афинах. Там в Акрополе есть храм Ники Аптерос, то есть бескрылой Победы. Слышали про такой?

— Да, — едва слышно пробормотала Ника, чувствуя, что мурашки снова забегали вдоль позвоночника. «Что это, совпадение?» — даже испугалась на секунду она.

— Волшебное место... Афиняне построили его для богини победы, но ее статую сделали бескрылой, чтобы она никогда не покидала город.

— Довольно жестоко обрезать крылья той, которая привыкла летать, — пробормотала Ника, не сознавая, что говорит не совсем о греческой богине.

— Да, мне эта мысль тоже приходила в голову... Я шел туда каждый день на закате. Знаете, этот храм по сравнению с другими маленький, игрушечный. Стройные колонны, и сам он на таком высоком месте, да еще на подпорной стенке. Кажется, будто парит в воздухе. Без крыльев, но все равно парит, представляете? А на закате его стены окрашиваются в розовый. Внизу уже темно, и постамент тоже в тени, а мраморные стены так и светятся...

— Наверное, красиво...

— Не то слово. Я ходил туда один. В одиночестве мне как-то спокойнее. Не надо ждать ни от кого подвоха. Вам это кажется странным?

ЕЛЕНА ВЕРНЕР

— Вообще-то нет, — снова засмеялась Ника. — Я и сама такая.

— Тогда вы меня понимаете. Хорошо, когда кто-нибудь кого-нибудь понимает. Хотя бы в чем-то. Иногда мне кажется, что даже пытаться нет смысла. Как театр теней. Мы не видим истинных лиц, мы видим только отбрасываемые на белое полотно экрана тени. И как тогда один человек может понять другого...

— А разве не весь мир таков? Помните платоновский миф о пещере? Мы ничего не видим, и не знаем, и судим по искаженным образам, смутным принципам и зыбким понятиям, тени и отблески которых можем заметить на стенах пещеры, в которой сидим. Кто знает, насколько близки они к правде? Все мы в плену своих теней и... представлений о них.

— И это нормально? — уточнил собеседник.

— Так есть. А дальше мы упрямся в обсуждение того, что есть «норма»... — отозвалась Ника. В трубке улыбнулось мягкое молчание, и девушка на мгновение прикрыла глаза.

— Простите, — зашуршало в динамике. — Вы устали, а я не даю вам спать своей болтовней.

— Вы хотели поговорить. Вот мы и разговариваем.

— Все верно. Спасибо вам, — голос стал серьезным. — Мне стало легче. Уже.

— Хорошо, если так... — улыбнулась Ника.

— Тогда, наверное, надо пожелать вам спокойной ночи и отключиться? Но так не хочется. Вика...

— Да? — с трудом отозвалась она на чужое имя и едва не вздумала исправить его. Но не осмелилась.

— Вы не против, если я еще когда-нибудь вам позвоню? Просто так, поговорить. Не бойтесь, я не какой-нибудь псих или маньяк.

Верни мои крылья!

Ника зажмурилась. Она знала, какой ответ вообще-то правильный. Но ответила иначе:

— Нет, не против.

— Спасибо. Вы удивительная, есть в вас что-то космическое... Спокойной вам ночи.

— И вам.

После разговора Ника долго ворочалась в постели и все прокручивала в голове слова — его, свои. Вроде бы ничего особенного. К тому же здравый смысл и тщательно взращенная опасливость твердили, что не стоит разговаривать с незнакомцами. Но ее душе было спокойно и мягко, как в пуховой перине.

У теплотрассы, пролегающей рядом с домами, грелись голуби, целая воркующая стая, и, когда она проходила мимо, птицы взлетели. Наверное, так происходило сотню дней до этого утра, но только сегодня Ника впервые за долгое время заметила их. Заметила, как громко они ворковали и как оглушительно захлопали десятки крыльев. Стая поднялась в воздух и, сделав круг над двором, осела на крыше детского сада. Сегодня утром отчего-то Ника замечала все, даже скрип собственных шагов по снегу, такой свежий и хрусткий звук, и белесый цвет вытравленных морозом и реагентом тротуаров. Обычно ее наблюдательность, рожденная из настороженности, касалась только театра и всего, что происходит в его стенах, а остальной жизни за порогом будто и не существовало. Впрочем, ее и правда не существовало вот уже несколько лет, с тех пор как девушка переехала в Москву с болезненным желанием затеряться и раствориться, навсегда потеряв даже память о прежней Нике Ирбитовой и о том, что с нею произошло. На столичных улицах никому ни до кого не было дела,

ЕЛЕНА ВЕРНЕР

а в театре Ника оборачивалась серой мышкой, снующей по переходам и коридорам, все примечающей, но остающейся при этом почти невидимкой.

Театру «На бульваре» недавно исполнилось одиннадцать лет, и большую часть этого времени дела его шли неважно. Когда-то его художественному руководителю и идейному вдохновителю Ларисе Липатовой стоило немислимых нервов выбить у мэрии здание Дворца пионеров. Пионеров там к тому моменту уже давно не водилось, только два раза в неделю собирался кружок фламенко, иногда залом пользовались близлежащие школы, но без крепкого хозяина дворец стремительно переставал соответствовать своему торжественному статусу. Однако Липатова была слеплена из крутого теста, тем более когда дело касалось мечты. А собственный театр был ее мечтой. Так Дворец пионеров на Луначарского превратился в театр «На бульваре» под руководством Ларисы Липатовой-Стародумовой. Ко второй части фамилии, доставшейся ей от мужа, одного из ведущих актеров труппы, она относилась требовательно и ревностно — как и к самому супругу. Нику до сих пор передергивало, когда она вспоминала, как два года назад пришлось перedelывать доставленные из типографии афиши: Лариса Юрьевна узрела на них за словами «режиссер-постановщик» только свое родное «Липатова». Сказать, что худрук была в ярости, — значит не сказать ничего. Хорошо еще, она не знала, что в болтовне между собой подопечные также не утруждают себя составными языковыми конструкциями.

Теперь труппа насчитывала тридцать артистов плюс саму Липатову, администратора Реброва, двух осветителей, костюмершу с помощницей, бутафора-реквизитора, билетершу и уборщицу. Муниципальных денег ни на что не хватало, вы-

Верни мои крылья!

ручка с продажи билетов едва покрывала зарплаты, так что рабочих сцены для монтажа декораций нанимали по случаю, а гримера не нанимали вовсе: с гримом актеры справлялись сами. И еще, конечно, была Ника — чаще всего кассир, но во время спектаклей и гардеробщица, а еще иногда вторая билетерша, хотя первая и главная, Марья Васильевна, требовала, чтобы вместо билетерш их называли, как полагается по-театральному, капельдинерами.

В тихом районе почти на окраине театрик особенно любил, он был сродни домашнему. По понедельникам и четвергам здесь по-прежнему занимался кружок фламенко, а ребята из соседней гимназии два раза в год давали тут школьный спектакль. Несмотря на хорошие отзывы невзыскательных зрителей, критики сюда не заглядывали, и близость и блеск именитых столичных театров довершали дело: театр едва сводил концы с концами. Но Липатова не теряла надежды и даже уверенности, что однажды театр «На бульваре» поразит всех своей новой постановкой. Или она сама вырастит в этих стенах звезду. Словом, что-то обязательно произойдет — эту мысль она без устали втемяшивала в голову всем обитателям бывшего дворца. И у Ники, например, сомнений не возникло: рано или поздно так будет. Потому что она видела весь репертуар и всех актеров и точно знала: то, что они делают на сцене, определенно заслуживает внимания. И даже гордилась тайне, что причастна к этому. В своем роде причастна.

Она успела привыкнуть к обитателям театра, даже полюбить их издалека, со всеми особенностями, научилась не слишком обращать внимание на то, что простому человеку кажется странностью или чудачеством. Смирилась с их пугающим обыкновением выдавать реплики из спектаклей, на разные голоса, с разными интонациями и совершенно не к